Гу Цин едва успевал следить за происходящим в тесной, гудящей от спешки лаборатории. Вместе с группой исследователей он метался от одного прибора к другому: то с замиранием сердца гипнотизировал сумасшедше скачущие цифры на мониторах, то на пределе возможностей фиксировал потоки данных, то бежал проверять подопытные образцы, молясь, чтобы те не подохли раньше времени.

За весь день он не присел ни на секунду.

Когда кошмар наконец закончился, Гу Цин без сил рухнул на длинную скамью возле дверей. Прикрыв глаза и откинув голову на прохладную стену, он со слышимым треском выдохнул накопленный за день гулкий, застоявшийся воздух.

— Всё, я труп, — тихо сказал он, утомленно потирая виски. — И на кой черт мне всё это? Я ведь метил в обычную тыловую службу! Зачем пихать в меня эту академическую премудрость? Еще и эта привязка… Куда Му Юань, туда и я, словно нитка за иголкой.

Он потянулся, разминая затекшую спину. В позвоночнике что-то отчетливо и сухо суставно хрустнуло. Гу Цин покрутил затекшей шеей, разминая одеревеневшие мышцы.

— Впрочем, потерпеть осталось немного, — пробормотал он сам себе. — Вот стабилизируют ментальный фон Му Юаня, и свалим отсюда к чертовой матери.

Посидев так с минуту, он приоткрыл веки и выудил из кармана прозрачный пластиковый тубус с питательным раствором. Покрутил в пальцах бесцветную густую жидкость и самокритично хмыкнул:

— Надо же. Раньше сам подшучивал над Му Юанем, когда тот глушил эту гадость на лекциях, а теперь ради экономии минут готов дневать и ночевать с тюбиком в зубах.

Гу Цин только скрутил колпачок, как краем глаза уловил знакомый силуэт, шагающий по коридору. Поднявшись со скамьи, он направился навстречу.

— Му Юань? — удивился Гу Цин, поравнявшись с ним. — Вот уж не думал встретить тебя в такое время. У вас с профессором Гу разве не индивидуальное занятие?

В отличие от Гу Цина, который, несмотря на вымотанность, пребывал в сносном расположении духа, Му Юань выглядел мрачнее тучи. От него буквально веяло ледяным отчуждением и тяжелой, давящей угрозой — рядом с ним Гу Цин на мгновение почувствовал себя так, будто встал вплотную к промышленному морозильнику.

Тем не менее смурной альфа не стал игнорировать вопрос.

— Мои приступы под контролем, — сухо отчеканил Му Юань. — Экспериментальный протокол

перешел в следующую фазу.

— А… — Гу Цин понимающе мигнул. — Ты про социальную адаптацию?

— Именно, — коротко кивнул тот.

Гу Цин на пару секунд задумался, сопоставляя даты и пытаясь вспомнить, когда именно произошел этот сдвиг. Память быстро подсказывала нужный эпизод.

— Это маршал Му тебе передал, когда приезжал на днях?

— Да.

Диалог завис в паузе. Разговаривать дальше Му Юань явно не горел желанием — всем своим видом он демонстрировал глухую, неприязненную замкнутость.

Гу Цин мысленно взвесил ситуацию. Выспрашивать напрямую о причинах паршивого настроения было бы бестактно, но и оставлять товарища в таком состоянии не хотелось. Быть может, непринужденная болтовня поможет тому хоть немного отвлечься?

Прочистив горло, Гу Цин возобновил разговор:

— Слушай, Му Юань, раз так… получается, ты скоро вернешься к командованию Третьим легионом?

При этих словах лицо альфы на мгновение застыло, словно он совсем забыл о существовании корпуса. Спустя пару секунд ступора в его взгляде проскользнула отчетливая досада, а голос прозвучал почти глухо:

— Возможно.

В этом коротком ответе просквозила тяжелая, затаенная усталость.

Глаза Гу Цина тут же вспыхнули откровенным восторгом. Наконец-то! Наконец-то они выберутся из этой стерильной лаборатории и вернутся в родные пенаты!

— Погоди, — вдруг вспомнил он. — А как же слухи про апартаменты, которые тебе выделил маршал? Что за история с жильем?

В ответ воцарилась гробовая тишина. Му Юань молчал долго — почти полминуты, неотрывно глядя куда-то в сторону.

— Я считаю, что этот промежуточный этап с «бытовой адаптацией» — лишняя трата времени, — отрезал он ровным, лишенным эмоций тоном. — Можно сразу отправляться в расположение Третьего легиона.

О самой квартире он не обронил ни единого слова.

Поняв, что тема запретная, Гу Цин не стал лезть в душу — в конце концов, личные дела Маршала его не касались.

— А, ну раз так… — с понимающим видом кивнул он и тут же широко улыбнулся. — Как бы там ни было, поздравляю, Му Юань! Да и себя, пожалуй, тоже.

Восторг в его голосе было уже не сдержать:

— Слава богу, мы наконец вырвемся отсюда! Ребята в полку наверняка уже все глаза просмотрели, считая дни до нашего возвращения.

— Сомневаюсь, — вопреки обыкновению выдал довольно длинную тираду Му Юань. — Скорее надеются, что мы задержимся здесь подольше.

Он искоса взглянул на собеседника:

— Забыли, как на спаррингах от нас все врассыпную шарахались? Никто не горел желанием попадать с нами в одну сетку.

— Твоя правда, — со смешком согласился Гу Цин, потирая затылок.

Воспоминания о суровых, но чертовски правильных днях на передовой вызвали у обоих искренние улыбки. Напряжение, окутывавшее Му Юаня, заметно спало, мрачная тень в его глазах слегка рассеялась.

Заметив этот сдвиг к лучшему, Гу Цин тут же прищурился по-лисьи и заговорил хитреньким, елейным тоном:

— Слушай, А-Юань… Тебе же все равно придется сначала заскочить в Первую военную академию Империи, чтобы забрать диплом?

Тут-то и выяснилась истинная причина его внезапной общительности. Гу Цин уставился на товарища молитвенным, полным надежды взглядом:

— Скажи… ты ведь можешь замолвить за меня словечко перед ректором? Ну, чтобы меня

наконец освободили от этой лаборатории?

Му Юань скрестил руки на груди и одарил его долгим, ироничным взглядом, выражавшим предельно четкую мысль: «Так вот к чему ты клонил».

Под этим проницательным взором Гу Цин слегка смутился, но тут же поспешил оправдаться:

— Эй, да что ты на меня так смотришь?! Ректор отправил меня сюда с одной целью — присматривать, чтобы ты добросовестно проходил терапию! А вся эта лабораторная дребедень шла исключительно прицепом! За эти месяцы я освоил базовый минимум. Если зарываться дальше, я вообще уйду от своей основной специальности!

Выложив аргументы, Гу Цин мгновенно сбавил напор и перешел к откровенным мольбам:

— Я от этих колб, пробирок и анализаторов уже сатанею, меня тошнит от одного их вида! Ну пожалуйста, Му Юань, замолви слово! Заикнись ректору, пусть снизойдет и освободит меня от этой каторги!

Он молитвенно сложил ладони перед грудью и уставился на Му Юаня таким заглядывающим в душу, исполненным скорби взглядом, что у любого другого сердце бы сжалось от жалости.

Му Юань еще издали заметил Гу Цина, опустившегося на скамью возле лабораторного блока. Когда же тот поднялся и подошел ближе, альфа разглядел нависшие под его глазами угольно-черные круги — явный след хронического недосыпа.

Глядя на измочаленного постоянными опытами товарища, жалобно сжавшего ладони перед грудью, Му Юань с трудом сдержал усмешку. Едва затолкнув рвавшийся наружу смешок обратно, он скупо кивнул:

— Ладно. Замолвлю за тебя слово перед ректором.

Вся усталость с Гу Цина слетела в одно мгновение. В его глазах заплясали живые искорки, а лицо просияло.

— Му Юань, дружище, да на тебя ввек можно положиться! — воскликнул он, почувствовав, как с души свалился тяжеленный булыжник.

Сбросив тяжесть, Гу Цин тут же переключился на собеседника:

— Кстати… если ты примешь командование Третьим легионом, тебе сразу присвоят звание маршала?

— Именно, — спокойно подтвердил Му Юань. — Заслужил.

Заметив, с какой неприкрытой завистью смотрит на него Гу Цин, альфа редким образом позволил себе иронию:

— Что, завидно? А кто мне заикался, когда я звал отправиться в гарнизон на границы Империи? Отказался ведь. А так ходил бы уже в генерал-майорах.

При воспоминании о той пограничной кампании Гу Цина мгновенно отрезвило. Перед глазами встал образ Му Юаня: каков он был, уходя на рубежи — несокрушимый, стальной, — и каким его привезли назад на санитарных носилках, полуживым, окровавленным…

Вся зависть улетучилась без следа.

— Кхм, — Гу Цин с наигранной строгостью подтянул осанку. — Я, знаете ли, не из тех, кто рожден для кровавой бойни. На рожон без приказа свыше не лезу.

Он поспешно качнул головой, отгоняя тяжелые картины прошлого:

— Ладно, ну его, этот мрак. Нечего кровь понапрасну вспоминать.

Гу Цин хитро прищурился — в памяти всплыл недавний эпизод: изящная фигура рядом с Му Юанем у курсантского корпуса. Глаза мгновенно зажглись нездоровым любопытством:

— Слушай… Ты ведь на днях привел к себе в комнату того редкого красавца? Тот чертовски хорош, а? Кожа, волосы, черты лица, выправка — просто загляденье! Вы с ним… в каких отношениях?

Му Юань отвел взгляд, предпочтя проигнорировать вопрос.

Но молчание лишь подлило масла в огонь. Сопоставив эту скрытность с последними странностями в поведении друга, Гу Цин ахнул:

— Ты ведь и от питательных растворов отказался, перебравшись в столовую… Неужто из-за него?! — Поймав едва заметную тень, мелькнувшую на лице альфы, он утвердился в своей догадке: — Точно! Специально подстраивал встречи, чтобы лишний раз посидеть за одним столом!

Он подался вперед, сгорая от азарта:

— И на каком вы этапе? Мне уже можно приучать себя звать его «госпожой маршальшей»?

— Заткнись, Гу Цин, — резко обрезал Му Юань.

Смех мгновенно сдуло. Гу Цин ошеломленно хлопал глазами, не понимая, откуда в обычно сдержанном друге выскочила эта стальная суровость.

— Ты чего?.. Чего взвился-то на ровном месте?

— Между нами ничего нет, — чеканя каждое слово, произнес Му Юань. В его ровном тоне глухо клокотало подавляемое пламя.

Гу Цин мысленно присел. Он-то решил, что окаменевшая мина альфы — знак юношеского смущения, а тот банально взбесился от одного упоминания!

Му Юань изо всех сил сдерживал рвущийся наружу гнев, заставляя голос звучать максимально сухо и отчужденно:

— Ни в прошлом, ни в будущем. Мы — чужие люди. И никогда другими не станем.

Не бросив больше ни взгляда, он развернулся и чеканным шагом направился к своей персональной зоне отдыха.

Глядя вслед удаляющейся фигуре, Гу Цин озадаченно почесал затылок и пробормотал себе под нос:

— Ладно, положим, я ляпнул лишнего… Но почему кажется, будто он просто взбесился от того, что его застали врасплох? Как мальчишка, которому попали прямо в яблочко.

***

Му Юань стремительно переступил порог выделенной ему отдыхальни, с грохотом захлопнул дверь и щелкнул задвижкой.

Замкнутое, изолированное от всего мира пространство. Теперь он остался один.

Прижавшись широкой спиной к дверному полотну, альфа опустил голову, тяжело уставившись в полумрак помещения. Минуты текли в звенящей тишине.

Лишь спустя вечность из его груди вырвался глухой шепот. Так произносят только имя самого дорогого человека на свете:

— Ваньсин…

А ведь он желал его. Желал до безумия.

В сознании скорбным калейдоскопом сменяли друг друга образы: то утонченное, умытое мягким светом лицо Ли Ваньсина с его неизменной, едва уловимой улыбкой; то собственное уродливое, животное безумие во время ментального приступа; то их недавний спарринг, когда Ваньсин одним безупречным движением перехватил инициативу и прижал смертоносное лезвие к его кадыку…

— Ваньсин… Мой Ваньсин…

Му Юань замер, давая затопившей разум тоске выжечь все внутри дотла.

Лавина чувств смяла все построенные барьеры, выплескиваясь наружу нестерпимой болью.

— Ваньсин… Я ведь поклялся себе загнать эту страсть в самые глухие глубины души, — стиснув зубы, прошептал Му Юань. Черты его лица исказились судорогой отчаяния. — Поклялся, что мне хватит просто защищать тебя из тени… Но почему… почему твоя тень повсюду преследует меня?

Перед глазами всплыло собственное утреннее поведение — развязное, высокомерное, умышленно холодное.

— Должно быть, в твоих глазах я теперь окончательно превратился в чудовище, — с горьким выдохом пробормотал он.

Тяжелая, давящая досада камнем легла на грудь.

«Впрочем, неважно. Скоро я уйду с Третьим легионом на передовую. И больше никогда не намозолю тебе глаза. Не стану вызывать у тебя отвращение».

Му Юань судорожно сжал ткань мундира напротив сердца, с глухим стоном прикрыв глаза:

— Ты совершенен, Ваньсин… А я слишком изувечен, слишком сломан, чтобы сметь даже помышлять о тебе.

Взгляд его остекленел, устремленный куда-то сквозь стены.

— Пред тобой откроется весь мир. Ты встретишь сотни лучших людей… А я останусь лишь случайным, ничего не значащим эпизодом на твоем пути.

Эти слова звучали не столько признанием, сколько жестокой, выстраданной попыткой обуздать

собственное рвущееся наружу сердце.

Еще долго Му Юань простоял неподвижно, не реагируя на шум внешнего мира, пока огни в его глазах окончательно не угасли, уступив место пепельной покорности.

— Будь счастлив, Ваньсин… — едва слышно уронил он в пустую темноту комнаты.

http://bllate.org/book/17475/1697708